

18+

Александр Дружинин

ВНЕ СЕТИ

Александр Дружинин

Вне Сети

<https://litres.ru/74319302>

ISBN 9785007083317

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что чувствует человек, слишком рано познавший боль утраты? Как он справляется со всем хаосом, что творится в его голове? На какие безумства способен, чтобы пережить всё это? Некоторых боль толкает на преступления; кто-то сбегает в иллюзорный, вымышленный мирок, придуманный им же. А кто-то идёт до конца, чтобы встретиться ещё раз, хотя бы на том свете.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1: Соединение установлено	8
Глава 2: В Сети	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вне Сети

Александр Дружинин

Редактор Наталья Дубаневич

Корректор Наталья Дубаневич

Дизайнер обложки Александр Дружинин

Иллюстратор Александр Дружинин

© Александр Дружинин, 2026

© Александр Дружинин, дизайн обложки, 2026

© Александр Дружинин, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-8331-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это художественное произведение, действие которого происходит в одном из миров Омникосмоса, носит развлекательный характер и не предназначено для формирования нового взгляда на окружающую действительность мира реального. Все представленные организации, персонажи, события, упоминания и темы вымышленные и не отражают чьё-либо мировоззрение. Любые совпадения случайны.

ПРОЛОГ

Вы когда-нибудь задумывались, что написали бы в своей прощальной записке перед тем, как покончить с собой?

Будет ли это жалоба на жалкое существование без какого-либо способа вырваться и изменить свою жизнь? Нескончаемый путь стенаний от глубокой депрессии? Ненависть к себе или же осознание тщетности любой попытки привнести в жизнь искру радости? Неразделённая любовь. Бессилие. Одиночество. Уход из жизни при этом прославляется как избавление, побег из плена страданий.

Либо это прозвучит как извинения? Поиск прощения за действия, так или иначе повлиявшие на жизнь небезразличных людей. Продолжение жизни, по мнению автора, в этом случае может означать привнесение большего количества огорчений родным и друзьям, чем её окончание.

В целом мне кажется, что одна записка может содержать множество тем, сочетающихся и наслаивающихся друг на друга. Но большинство мотивов можно выделить в определённые категории: крик о помощи, самонаказание, протест и даже рациональный отказ от жизни ввиду переносимых заболеваний и депрессий.

А что, если предсмертная записка несёт радость? Душевный подъём и экзальтированный восторг, возбуждение от грядущих перемен или, напротив, блаженную стабильность?

Да, многие скажут, что человек был не в себе, и я отчасти соглашусь, но речь не о сектах и культах, доводящих людей до такого состояния препаратами и учениями в намерениях присвоить оставшееся ничейным имущество. Представьте человека, достигшего пика своих возможностей как в плане физического саморазвития, так и душевного спокойствия. У него замечательная семья, верные друзья, растущий доход и блестящая карьера. Все сокровенные мечты исполнены, а жизненные цели достигнуты. Свершения вызывают восторг у окружающих. Уйти при этом, будучи эталоном, идолом? Почему бы и нет? Ведь в течении столь великого и достойного возвышения очень быстро можно дойти до переломной точки, в которой начнётся падение. Страх этого момента тоже можно считать причиной самоубийства, но тогда есть вероятность заразить подобными мыслями близких людей, поэтому предсмертная записка должна быть составлена в верном, позитивном ключе, не оставляющем сомнений в правильности принятого решения. Она должна воодушевлять и двигать людей к тем же высотам, которых он достиг при жизни. Да, пожалуй, вдохновение нужно всем, и эта смерть сможет его гарантировать.

О нет, этот человек вовсе не я. Мне ближе первые варианты, но вынужден уточнить: я не планирую самоубийство. Даже не задумывался о подобном, пока в университете мне не дали задание написать таковую записку для зачёта по литературоведению Единомыслия. И, проштудировав десятки пре-

цедентов самоубийства в нашем штате, могу заверить, что среди них не было ни одного счастливого человека.

Уверен, что моё видение станет пропуском в Палаты Единомыслия — место, куда намерены попасть все поэты, писатели и просто творческие люди, желающие знакомить человечество со своими произведениями без опаски цензурирования.

Что ж, близится полночь и у меня почти не осталось времени. Пора приниматься за дело.

Глава 1: Соединение установлено

Будильник прозвенел именно тогда, когда я меньше всего его ждал, что ни для кого не было бы новостью, поскольку я до сих пор не привыкну к этому устройству.

Стоит отметить, что он не являлся самостоятельным механизмом, а был встроен в солидный металлический корпус новомодного беспроводного коммуникатора, который отец подарил мне перед отбытием во Вьетнам.

Технический прогресс двигался настолько быстро, что экран нашего монохромного жидкокристаллического телевизора, уменьшенный и более яркий, удалось поместить в прямоугольник чуть больше портсигара, оснащённый небольшой механической клавиатурой. Это дорогостоящее устройство называли коннектором, и основной его функцией была возможность стать частью Грид — информационного ресурса, важного инструмента в продвижении Единомыслия. Социально-политическая решётка, скованная Протекторатом Единых Штатов для нашей безопасности, которую многие со временем стали называть Сетью, но причин такого именованья я не совсем понимаю до сих пор.

Все студенты университета Маннергейма владели коннекторами, поскольку были детьми выдающихся и обеспеченных родителей. Мы могли печатать друг другу письма и отправлять их посредством радиоволн. Никакой бумаги! И ни-

какой «мистер Шеффилд, доставляю почту» больше не потеряет мою, да и не только мою корреспонденцию.

Ходили удивительные слухи, что ближе к концу шестидесятых свет увидит новая версия коннектора, способная также передавать голос. Ждать осталось меньше двух лет. Мы поистине живём в чудесные времена!

Мой восторг был прерван очередным звонком будильника. Чёрт! Я снова уснул сразу, как только отключил первый. Казалось, что в этом сне Анна почти подошла ко мне, чтобы поздравить с успешным выполнением задания... О нет! Я же не дописал записку самоубийцы!

Готов поклясться, ночью меня посетила муза, и текст вызывал неподдельный восторг. Или это тоже был сон? Так, на чём я там остановился... «Совершаю этот акт самопожер...», вот же! Уснул на полуслове. Мне конец!

Коннектор издал трель, пришло сообщение. Интересно, настанет ли время, когда можно будет задавать особые звуки на каждого человека? Стоп, я не о том думаю. Так, что здесь? Сперва я облегчённо выдохнул, но потом дочитал до конца.

«Оповещение университета Маннергейма! Сегодняшние занятия отменяются для студентов третьего и четвёртого курсов. Студентам надлежит прибыть в кампус для внеплановых военных учений в связи с ситуацией на Востоке. Сила в Единомыслии!»

Чёрт, лучше бы я всё-таки написал ту записку...

Девятнадцать лет. Подумать только, как незаметно летит время. Признаться, я практически не помню своё детство — оно пронеслось как вспышка, но всё дело в восприятии: для меня все события текут быстрее. Ещё недавно была зима, не успел моргнуть, как уже близится лето.

Стоя перед зеркалом, я вижу худощавого юношу с зелёными, умеющими сказать «спасибо» глазами, выющимися каштановыми волосами и тонкими губами, по которым время от времени пробегает улыбка... Хотя и улыбка бывает грустной. Кто знает, как изменится отражение, когда в следующий раз взгляну на него?

Даже не знаю, почему думаю об этом. Меня взволновало оповещение. Тут стоит уточнить: я влюблён в Анну, студентку, как и я, учащуюся на четвёртом курсе. Военные учения позволят нам взаимодействовать в рамках одного отряда, что очень волнительно, поскольку в иных обстоятельствах она бы и не глянула на меня.

Знаете, таких девушек, как она, я не видел. Знал, что они есть — время от времени мы наблюдаем их в журналах, — но вот так, в жизни, перед собой... Впрочем, надо поспешить со сборами, пока не надумал каких глупостей. Всем известно, что она встречается с тем качком — Дирком Хаузером, потому даже не заметит моего существования.

Мы с ней в чём-то похожи на моих родителей того же воз-

раста. И всё же интересно: как отец завоевал сердце мамы? Они ведь как раз из тех противоположностей, которые не должны притягиваться.

Я спустился по лестнице и зашёл на кухню. Мама была там: готовила тосты и кофе. Она никогда не делает полноценный завтрак, считая его пустой тратой времени, ведь, по её устоявшемуся мнению, с утра организм обычно полон сил после сна и не нуждается в лишних калориях.

— Макс, ты уже проснулся? — мама двигалась в такт утренней программе гимнастики на третьем канале, которую включала каждый день.

— Да, как раз собираюсь в универ. Как там папа? Выходил на связь?

Мама прервала свои движения и заплакала. Я и представить не мог, что она так по нему скучает. Месяц назад он отправился во Вьетнам, чтобы бороться с африканским фюрером, поддерживающим вьетконговских повстанцев, но я не подозревал, что для неё это станет настолько трагичным расставанием.

Отец и раньше уезжал на войну. Тогда мы жили в Балти-море, и мои друзья соорудили поистине грандиозный монумент его борьбе за идеалы Единомыслия. Однако вскоре он вернулся, и мы были вынуждены переехать в Портленд, где и живём по сию пору.

Разгорелся очередной этап конфликта.

«Ad Infinitum», — сказал он мне, закидывая вещмешок на

плечо. Довольно символический жест, учитывая, что за годы службы он достиг уровня полковника, чьи пожитки с завидной ретивостью были готовы таскать все курсанты академии.

Я навсегда запомнил эту фразу. И не только потому, что это являлось частью лозунга движения Единомыслия, нет. Отец вкладывал в эти слова всю душу. Он истово верил, что, произнеся данную фразу, прославит наш род на века. Должен признать, эта устаревшая традиция закрепились у нас и после официального становления Палат Единомыслия.

Запив двумя глотками кофе пересушенный тост, я выскочил на улицу и подобрал с газона велосипед, на котором отправился в университет.

Дирк Хаузер... не могу сказать, что испытываю к нему положительные эмоции, хотя он и числится лучшим питчером университета Маннергейма. Выпендрёжник снова приехал на отцовском Форде Мустанг Гранде. Он также привёз Анну...

Мои мысли вмиг поглотило её присутствие. Очевидно, что все владельцы коннектора получили схожие оповещения, потому камуфляжное мини-платье Анны было безукоризненно и полностью соответствовало требованиям внеплановых учений.

Да, у нас в них принимали участие и мальчики, и девочки.

Ходили слухи, что в европейских и азиатских штатах существовали разные группы для противодействия южным угрозам, но это веяние не коснулось столь прогрессивных ореолов обитания, как наши.

Я помахал рукой Анне и моментально пожалел об этом. Вместо неё жест увидел Дирк. Он воспринял это как ободрение в предстоящих испытаниях, потому ответил жестом... который можно было интерпретировать как «Чёрт возьми, даааа», либо «пошёл в жопу, задрот». В случае с Дирком это было почти одно и то же.

— Стройся!!! — проорал сержант Протектората Единых Штатов, приставленный руководить учениями старшекурсников.

Естественно, никто не знал своего положения в строю, потому студенты попытались встать по росту. И, вопреки расхожим мнениям, я встал практически вначале. Да, передо мной был глыба Дирк, но всё же не стоит считать меня доходягой, не способным держать винтовку. Я практически не уступал ему... в росте, во всяком случае.

— Готов, Макс? — шёпотом поинтересовался Дирк. Его энтузиазмом несло за милю. Он даже не представлял, что нынешние учения будут борьбой за сердце Анны.

— Как и всегда, — я оправился от его удара по плечам и выдал самую дружелюбную улыбку, на которую был способен.

Инструктор прошёлся по нам пренебрежительным взгля-

дом и скомандовал бежать. Лишь дуболомы вроде Дирка, отринув сомнения и мораль, помчались вперёд, выкрикивая похабные ободряющие возгласы.

— А вам отдельное приглашение нужно?! — возмутился сержант, окинув грозным взглядом оставшихся стоять в строю.

— Вы не указали направление бега... сэр, — этот чарующий голос принадлежал Анне. Её белокурые волосы были собраны в высокий хвост, а в ярко-голубых глазах словно плясали искорки азарта.

Она была гораздо умнее своего избранника, потому знала правила учений, как и каждый, кто хоть раз открывал полученную при поступлении в университет брошюру.

— Очко в Вашу пользу, мисс... — он сверился со списком в руках.

— Йохансон, сэр! — гордо озвучила Анна и вытянулась по струнке смирно. Для неё это было подобно игре, правила которой она знала лучше всех.

У многих из студентов нашего университета родители служили в армии Протектората, и лишь немногие после этого были достойны примкнуть к Палатам Единомыслия; в числе таковых была её мать. Она с детства обучала дочь тонкостям влияния и красноречия, потому Анна, будучи и без того эрудированной, могла без проблем уболтать кого угодно на что угодно. Мне нравилось это в ней, но до сих пор не было и шанса основательно поговорить, чтобы убедиться

лично. В основном я был лишь слушателем, наблюдателем.

— Хорошо, — сержант был доволен, что в отряде нашлись люди с мозгами. Иные в Протекторате годятся разве что в качестве пушечного мяса, потому что неспособны даже понять, за что борются. — Слушай мою команду! Бегом марш на стрельбище!

Все присутствующие рванули в сторону, обратную той, куда недавно интуитивно помчались бейсболисты Дирка. Ненавижу бег, но отставать не собирался. Разумеется, впереди бежала Анна, а следом, буквально наступая на пятки, — её постоянная свита из Тиффани, Мэри, Джорджа и Вирджинии. Вряд ли они были теми «соображающими» солдатами, что нужны сержанту, поскольку уровнем интеллекта оказались лишь на полшага впереди Дирка, но их преданность своей негласной лидерше была абсолютной: потому куда она — туда и они.

Я поднажал и поравнялся с Мэтом. Мы с ним были давними друзьями, наши семьи вместе переехали сюда из Балтимора. Будучи полным и низкорослым, передвигался он с невообразимой для своей комплекции прытью. Более того, если у меня уже язык волочился за плечом, Мэт умудрялся всю дорогу отпускать шуточки и делиться свежими новостями. Как ему воздуха-то хватает?!

— Слышал, вчера в Мемфисе подвергли цензуре очередного движенца? — он поинтересовался так бодро, будто сам в этом участвовал. Разумеется, я не слышал об этом, потому

отрицательно покачал головой, стараясь не сбиться с темпа.

Я не придаю особого внимания происходящему за пределами нашего штата, но движенец — так называли тех, кто был не согласен с утвердившимся политическим курсом Протектората. Противники Единомыслия, выступающие за гражданские права чернокожих, баптистов, люциферан и прочих групп, не вписывающихся в современный уклад, — о них давно не было слышно. Видимо, запуск Аполлона-6 заставил их высунуться, чтобы привлечь к себе внимание.

— Какой-то проповедник, кажется, Кинг, возглавил марш протеста с парой книг в руках, написанных ещё до становления Единомыслия. Его зацензурили прямо перед мотелем, где он подначивал народ на забастовку.

— Что... за... книги? — мне было сложно говорить, казалось, лёгкие вот-вот вырвутся наружу вслед за сердцем.

— Точно не помню названия, кажется, там только цифры: четыреста пятьдесят один и тысяча девятьсот восемьдесят четыре. Я пытался найти что-нибудь в Грид, но там ничего. Думаю, какая-нибудь пропаганда. Иначе зачем же её цензурировать? — Мэт показательно пожал плечами, что на его скорости выглядело забавно.

Что ж, если это не одобрено Палатами Единомыслия, думаю, так лучше для всех. А, забыл уточнить, цензура в нашем обиходе — это процесс сожжения. Иногда произведений, но чаще — автора.

Глава 2: В Сети

Усиленно глотая воздух ртом, я старался выровнять сердцебиение после этой адской пробежки. Для кого-то парамиль, что мы преодолели, добираясь до стрельбища, далась удивительно легко, но мои лёгкие пылали и были неспособны выполнять свою функцию, что уж говорить о сердце; аритмия и тахикардия, унаследованные по материнской линии, не позволяли даже нормально спать, а любые физические нагрузки воспринимались как исключительное испытание.

Мэт что-то говорил, но стук в ушах не позволял его услышать. Я глянул на Анну, и, казалось, время остановилось. Мне на мгновение стало легче, пока в грудь не упёрлось десять фунтов искусно сплетённого металла и дерева. Служебная винтовка, которую так ретиво и грубо вручил инструктор, без сомнения, оставила пару синяков на рёбрах.

До этого я всего пару раз держал в руках боевое оружие, но тогда был слишком мал, чтобы стрелять из него или осознать истинное назначение этого инструмента. Даже сейчас, ощущая вес полностью снаряжённой винтовки, я не до конца понимал, насколько это опасно. Лёгким утешением служило то, что переводчик режима огня был снят и стрелять было возможно лишь одиночными — это сохраняло иллюзию контроля ситуации и в целом необходимости применения.

На деле же всё было иначе, но тогда я этого ещё не понимал.

Сержант приказал занять места и прицелиться. Сердце всё ещё выскакивало из груди; я подчинился больше из страха показаться не готовым в глазах Анны, чем из-за боязни провалить зачёт по стрельбе. В конце концов, служба в армии никогда не являлась для меня приоритетом.

Задержав дыхание и сведя в одну линию мушку с целиком, я ужаснулся, поняв, что совершенно не вижу мишени. Не сказать, что она была слишком далеко, да и зрение у меня не настолько ужасное, но...

Прозвучал выстрел, и я замер. Дальше последовали одобрительные возгласы Тиффани и Вирджинии. Разумеется, Анна выбила десятку — в этом ни у кого не могло быть сомнений, она же идеал... чёрт! Мне тоже пора стрелять!

Я выдохнул и нажал на спусковой крючок. Отдача поразила своей внезапностью. Да, не ожидать её было бы глупо, однако приклад лягнул меня в плечо сильнее предполагаемого. Опустив ствол, я попытался присмотреться и понять, попал ли хотя бы рядом с мишенью.

Вокруг наступила тишина, нарушившаяся лишь когда инструктор убрал свой бинокль и глянул на меня.

— Сынок, как, чёрт тебя дерит, ты умудрился попасть туда без оптики?!

Волна холода прошла по моему телу. Казалось, я сделал что-то неправильное; мне хотелось убраться подальше, лишь бы не быть точкой созерцания всего курса. А потом я почув-

ствовал себя настолько же глупым, насколько и везучим — не заметить мишени в какой-то сотне шагов перед собой и пытаться рассмотреть мутное пятно вдалеке.

— Тысяча ярдов, Макс, так держать! — радостно озвучила всеобщий восторг Анна.

Услышать похвалу из её прекрасных уст было для меня лучшей наградой. Она впервые обратилась ко мне по имени, а значит знает меня!

Вот же... кажется, подскочило давление. Из носа потекла кровь и зрение укрылось непроницаемым туманом.

Запах пота был первым, что я ощутил, придя в себя. Скользнув глазами по помещению, взгляд тут же остановился на Мэте; аромат, без сомнения, принадлежал ему. Он сидел возле моей койки и листал новостные статьи, щёлкая клавишами коннектора. Полагаю, именно этот звук так нервировал меня, что заставил очнуться. Не припомню, чтобы когда-либо раньше терял сознание вот так внезапно... О нет, что могла подумать Анна?!

— Макс, ты в порядке? — Мэт отвлёкся от очередной истории цензуры и отложил устройство. Полагаю, моё состояние беспокоило его куда больше, чем меня.

— Кажется, да... — неуверенно произнёс я. — Что случилось? Где мы?

— Ты вырубился на стрельбище. Сержант приказал отправить тебя в лазарет кампуса, ну, а я вызвался присматривать.

— Учения продолжаются? Нам надо вернуться, там же...

— Анна никуда не денется, как и Дирк, — он лукаво хихикнул, довольный тем, что понял мою мотивацию присутствия там. Я никогда не говорил Мэту о своих привязанностях, но ему этого и не требовалось. Мы дружили достаточно долго, чтобы замечать подобное... Либо я не умею прятать чувства, что более вероятно. Он вскочил со своего стула и помог мне подняться, продолжая хихикать.

Хотелось прикрикнуть на него, заставить прекратить, хотя я понимал, что с его точки зрения мои тщетные попытки добиться расположения возлюбленной выглядели нелепо. Мэт, на удивление, пользовался завидным успехом у девушек. Этого я понять никогда не смогу. Ему удавалось позвать на свидание практически любую чирлидершу, и они были согласны! Возможно, дело в уверенности?

Отринув приступ уныния, я сделал пару шагов и понял, что могу ходить без посторонней помощи. На самом деле часы, проведённые без сознания, даже придали сил. Неужто я наконец выпался? Мэт вернулся к изучению коннектора после того, как аппарат издал трель входящего сообщения.

— О, занятия всё же отменили. Совсем! — радостно констатировал он. — Были намёки на то, что после учений мы всё же должны будем посетить остаток пар, но... — он ра-

достно развёл руками. И по его жесту я понял:

— Так ты тоже не подготовился по литературоведению Единомыслия?

— Как и добрая половина курса, Макс! У нас в запасе пара выходных впереди, думаю, вдохновение придёт. Кстати, я пойду на свидание с Мэри, а она...

— В регулярной свите Анны, — закончил я, но пока не до конца понимал, какую пользу должна нести эта информация.

— И?

— И что?

— Не тупи, Макс, рискни позвать Анну в кино! Сейчас как раз идёт новинка — «Ромео и Джульетта», мы с Мэри идём.

— Разве это не запрещено Палатой Единомыслия?

— Запрещён лишь книжный оригинал, но адаптация итальянского режиссёра сейчас возглавляет списки прокатов, — Мэт показал страницу Грид с афишей на экране своего коннектора, и рейтинг одобрения был действительно высок.

— Она не согласится, Дирк...

— Уехал со своей командой на соревнования. На все выходные, — коннектор затрясся в его пухлой руке в попытке уговорить меня.

Надо сказать, это было похоже на план. Да и потом, чем я рискую?.. Кого я обманываю! Так, надо взять себя в руки.

— Сделаем это, — подытожил я, и мы двинулись на выход из лазарета.

Приближаться к группе разговаривающих людей было ужасно. Не понимаю, как Мэт уговорил меня на это. Если бы Анна была одна, мне, возможно, хватило бы смелости начать беседу, но она никогда не бывает одна. Вот и сейчас, окружённая своей неизменной свитой, она была столь же неприступна, сколь и прекрасна.

— Представляете, из-за этих учений я уронила коннектор, и теперь на нём не работает литера «И». Приходится ставить вместо неё звёздочку, так что не удивляйтесь, — она показала всем своё повреждённое устройство. Даже удивительно: у неё была довольно продвинутая модель, созданная по военному стандарту прочности. Хотя тот же стандарт касается и любого другого коннектора, произведённого в Протекторате.

Во Вьетнаме они спасли немало наших парней от пуль, будучи размещёнными в нагрудных карманах жилетов и курток.

Мэт бесцеремонно приблизился к Мэри и лихо поцеловал её прямо в губы, заставив сидящих рядом Джорджа и Вирджинию отодвинуться подальше, чтобы не чувствовать запаха его пота. Как ему это удаётся?! Она же на голову выше него. Стройна, хороша собой — иным в свите Анны нет места. Нет, я точно чего-то не понимаю.

Мэт глянул на меня, оторвавшись от пухлых губ своей по-

дружки, и взором указал на лидера этого прайда, невербально подталкивая к действию. Я ощутил тряску — вновь сердце грозило вырваться из груди.

— Анн-на... — чёрт! Почему я начал заикаться? Она, кажется, не слышала или просто не обратила внимания. — По... послушай, я... я хотел... м-да, в голове это было проще.

— Что лопочет это ничтожество? — она засмеялась, чем неизменно вызвала волну ответного веселья своей свиты.

— Макс ещё не до конца пришёл в себя после морфина, — попытался вступить Мэт. Что он несёт? У нас в лазарете даже не может быть такого препарата: всё отправлено на фронт, да и с чего бы кому-то пичкать меня им при потере сознания?

Но среди присутствующих знатоков медицины не нашлось, и все понимающе склонили головы. Все, кроме Анны. Её глаза впились в меня, и искры буквально сыпались из них.

— Мы с Мэри собирались в кино, потому я решил, что он может позвать тебя составить нам компанию, — продолжил мой верный или в данный момент ненавистный друг. Я уже видел, к чему это идёт, и понимал, что ничего, кроме насмешек и оскорблений, тут не светит. Но Мэт был настойчив. — Ты же свободна вечером?

— О да, свободна, — улыбнулась Анна. — Неужели я ошибся? Мэт был прав?! Нет, не верю. — Но точно не для то-

го, чтобы весь вечер нюхать твою вонь и слушать его неуверенные вздохи, — ага, так и знал. Но она ещё не закончила, а лишь взяла драматическую паузу, чтобы окончательно пошатнуть мою моральную стабильность. — Трус! Я бы никогда не пошла с тобой после сегодняшнего позора. Ты боишься даже успеха, не говоря о чём-то, даже отдалённо напоминающем поражение. Протекторату не нужны такие люди, как ты, Макс! Прочь с моих глаз, ничтожество!

— Я... — сложно сказать, что поразило меня больше: тот факт, что она высказала всё это на глазах половины курса (да, студенты за соседними столиками обратили на нас пристальное внимание в этот момент), или то, что мне внезапно стало легче? Сердце перестало колотиться в бешеном ритме, волнение схлынуло, как уходящая волна, наступило спокойствие и даже безразличие. — Мне пора. Задание по литературоведению Единомыслия.

Я неловко улыбнулся и зашагал в сторону стоянки за своим велосипедом. Кажется, меня наконец посетило вдохновение, и я понял, что напишу в записке самоубийцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.